

Александр Яковлев, ИТАР-ТАСС

Кирилл Лавров думает, что больше не нужен БДТ

Театр

— Сухо и сырой — знаменитая фраза Николая Акимова более чем исчерпывающе аттестует последний спектакль Григория Дитятковского. Премьера шекспировской «Двенадцатой ночи», четырежды переносившаяся и наконец состоявшаяся, обозначила градус, при котором по

любой системе измерений (от канувшей, товстоноговской, до действующей, лавровской) горят былье ценности Большого драматического.

Даже в самые трудные годы режиссерского безвременя на этой сцене вопреки всему внезапно возникали моменты театрального волшебства; их больше нет. Нет внятной режиссуры, нет талантливых ролей, нет

«Успех «Двенадцатой ночи», которого одни ожидали, а другие опасались, почти на сто процентов означал бы, что БДТ получит нового главного режиссера. Провал «Двенадцатой ночи» оставляет труппу лицом к лицу с драмой возраста и инерцией безнадежности».

БДТ БОЛЬШЕ НЕТ

моск. новостр. 2003-8 дек. с. 26

ритма и композиции. Самый очевидный стилеобразующий признак — скучка. Она заливает зал, поднимаясь до галерки, отменяя игру ради игры, театральный праздник, который предполагает шекспировскую комедию. Скуке подчинено все: и герцог Орсино (блестательный Сергей Драйден здесь почти аутист, без голоса, обаяния, страсти), и юная Оливия (дебютантка Полина Толстун прелестна, но зачем же так руками махать?), и трио — сэр Тоби, Эбьючик, Мальвильо, — которое артисты Вячеслав Захаров, Александр Чевычелов и Анатолий Петров под руководством режиссера умудрились обратить в самый занудный из всех комических треугольников. Зад оживляется лишь с появлением Алисы Фрейндлих (шут Фесте). Но и великая Алиса — пограничная Карлсон, — героически прихрамывая (не по роли, а по болезни), не столько играет, сколько являет себя. Скуку «Двенадцатой ночи» не собрат шабрами, как пызырчатое полотняное море, сгребаемое на сцене в угол женщиными в форме из синего бархата (сценограф Марина Азизян). Они то ли музыканши оркестра, исполняющего Перселя для Орсино, то ли участницы хора старых большевиков, то ли парки... Навязчивый режиссерский ход (действие якобы происходит в Петербурге) не избавляет от ощущения вымышенной претенциозности.

В репертуаре БДТ были и есть спектакли средние и серые, были и есть холодные и безжизненные. Но провала такой «яркости» Большой драматический, пожалуй, еще не

Есть здание в Петербурге на Фонтанке с надписью «Большой драматический театр имени Г.А. Товстоногова», есть артисты, которые с ним работали.

Но легенда — кончилась.

И окончательно сокрушил ее, как ни парадоксально, тот, кого прочили на пустующее уже пятнадцать лет место Главного

знал. Каждый художник имеет право на неудачу, однако именно эта неудача для театра поистине судьбоносна.

Успех «Двенадцатой ночи», которого одни ожидали, а другие опасались, почти на сто процентов означал бы, что БДТ получит наконец главного режиссера. Провал «Двенадцатой ночи» ставит труппу лицом к лицу с драмой возраста и инерцией безнадежности. Особенно остро, по-лаго, это ощущает художественный руководитель театра Кирилл Лавров.

Лавров (в отличие от Павла Лупекаева и Евгения Лебедева) никого не хотел играть Лири на сцене, но волей судеб который год играет эту роль в жизни. Он всё пытается и пытается отдать свое «королевство» каждой новой возникающей на горизонте хоть сколько-нибудьубедительной «дочке», но страх ошибки и невезение преследуют его и труппу.

За двумя этими фигурами — Лаврова и Дитятковского — оппозиция уходящего и нынешнего. Для старшего БДТ — символ веры и тяжкая ноша. Для младшего — бранд, позволяющий капитализировать режиссерскую репутацию. Для Лаврова Большой драматический — имя, ставшее участью. Для Дитятковского — амбициозный вызов. Не знаю, что произошло с ним, на том коротком отрезке пути, что он прошел с товстоноговским театром, но ощущение такое, что сцена мстит за неточно выстроенные отношения с реальностью. И теперешняя неудача — уже не первая.

Ход веяний беспощаден. В БДТ, наложенным при Товстоногове как прочнейший театральный организм, случаются вещи, прежде не представимые: цеха отказываются работать, артисты — играть. Как сорняки в огороде, театром овладевают распри и неустройство. Лавров думает, что больше не нужен БДТ. Иногда кажется: его, словно великого классика русской литературы, томит желание бежать, скрыться от повседневной сути, нерешенных вопросов жизни. Остаться наедине с печальной свободой, полученной в обмен на иллюзию бессмертия. Некогда избранный единогласно, служивший честно, он, звезда, корифей, любимец страны, сегодня подошел к рубежу, когда сам возраст ставит ему в вину, и вместо благодарности вокруг все слышней ропот негодования.

В минувшем сентябре театр отмечал 90-летие со дня рождения Георгия Александровича Товстоногова. Заметно передовой толпой собрались в Лавре, у могилы. Молчали. Лавров пришел последним, был болен. Но, поняв, что говорить все равно ему, вышел вперед.

Стоял осенний день, на памятник Товстоногову сыпались листья, и голос пичуги, устроившей гнездо в оставленной скуньтором пустоте на месте сердца, было спышней, чем знаменитый голос Лаврова...

Марина ТОКАРЕВА